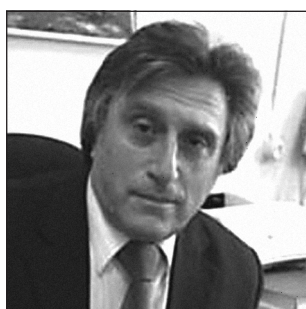

Многомерность рациональности

В. Н. ПОРУС

1. Рациональность в методологическом измерении

Проблема рациональности в ее исторической эволюции заключалась в определении «разумности» как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.). Решения этой проблемы (от Платона до наших дней) зависели от того, какими сущностными характеристиками наделялся Разум. В связи с этим она рассматривалась в различных аспектах: являются характеристики разума неизменными и абсолютными или они изменчивы и относительны? Каковы исторические формы рациональности и от чего зависит их устойчивость или изменчивость? Составляют ли эти формы некую иерархию или они равноправны и могут сосуществовать (или конкурировать) одна с другой?

Ответы на эти вопросы образуют основу различных философских парадигм, например классической

«логоцентрической» парадигмы. Для нее характерно убеждение в абсолютности и неизменности законов вселенского разума, постигаемых человеком и обнаруживаемых им в собственном мышлении. Это убеждение было связано с культурными универсалиями, доминировавшими на протяжении культурных эпох. Какую бы конкретную форму ни принимала эта связь, она – в основе идеала рациональности как культурной ценности, придающей направление и импульс всем видам общественно-исторической практики, смысл самому человеческому бытию.

В новейшей истории «логоцентрическая» парадигма утратила первенство и, хотя не сошла вовсе на нет, чаще выступала как объект критики или как исходная позиция, с которой – путь к иным пониманиям рациональности. Это стало составной частью кризиса рационализма как системы культурных универсалий. Причины кризиса многократно исследованы, хотя до их полного уяснения еще далеко. В ряде работ показано, что такой причиной можно считать действие противоречий, заложенных в фундаменте европейской культуры и обострившихся в XIX–XX вв. под влиянием социально-экономических и политических факторов этого исторического периода¹. Важнейшим из них можно полагать «парадокс свободы»: универсалией европейской культуры является свобода индивида, но в то же время эта культура требует ограничения свободы ради общественного единства. «Противоречие свободы» на протяжении веков «разreshалось» благодаря идее Благого Бога, устрояющего человеческий мир; она придавала «свободному подчинению» сакральный смысл, и этого до поры было достаточно, чтобы противоречие не приводило к распаду духовной ткани культуры. Сомнение же преодолевалось усилием веры.

Положение изменилось с процессом «секуляризации» культуры. С перемещением идеи Бога на периферию системы культурных универсалий (проще говоря, с падением религиозной веры) идея «Абсолюта» потеряла свою ориентирующую функцию. Человеческий разум стал перед дилеммой: либо придать абсолютный смысл своим характеристикам, благодаря которым были получены выдающиеся результаты (например, достижения науки Нового времени), либо признать их принципиальную относительность и историческую зависимость от успешности различных видов практики, от

¹ См.: Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М., 2003; Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). М., 2008.

преференций и господствующих образцов деятельности. Эта дилемма и сегодня актуальна, но постоянно разрешается для достижения конкретных целей, например для обоснования «научной» рациональности или каких-либо иных ее видов (рациональности политического, экономического или игрового поведения, рациональности творчества, рациональности коммуникации и т.п.).

Общей характеристикой так понимаемой рациональности стала ориентация на образцы успешной (познавательной, конструктивной, хозяйственной и т.п.) деятельности. Действие рационально, если оно способствует достижению цели, и иррационально в противном случае, иррационально (противоразумно), если оно разрушает цель или достигает противоположной. Например, образцом рациональности в науке можно считать решение познавательных задач методами, которые зарекомендовали себя как успешные и получили теоретическое обоснование; в экономике – максимизацию прибыли, интенсификацию рыночных процессов, оптимальное удовлетворение притязаний участников рынка и проч. с помощью инструментов, теоретически обоснованных и проверенных на практическую успешность.

Это переводит проблему рациональности в *план методологии*. На вопрос: рационально ли какое-то действие (поступок, поведение, стратегия и т.п.), можно отвечать, исследуя его структуру и результаты в их связи с используемыми средствами. Так, проблема рациональности рассматривается в методологическом измерении, а различные концепции рациональности – как определения *критериев*, по которым судят о рациональности тех или иных видов практики.

Перспектива методологического подхода к проблеме рациональности, как казалось многим исследователям, в особенности тем, кто всерьез принял антиметафизические инвективы позитивизма, вела к так называемому «онаучиванию» философии. Методология выступала для них противовесом «гносеологии», т.е. учения о познании, часто далекого от реальной познавательной практики (однако претендовавшего на менторскую роль по отношению к последней). Кроме того, в методологических концепциях значительный вес приобрели логико-математические, семиотические, теоретико-системные и иные специально-научные понятия и методы. Была даже надежда на то, что с помощью таких средств удастся очертить собственные границы рациональности в науке, чтобы затем, «онаучивая» иные сферы практики, включить их в эти границы.

Проблема «демаркации» не нашла удовлетворительного решения. К тому же выяснилось, что чисто методологический подход к проблеме рациональности чреват внутренними противоречиями. Например, если рациональность определяется своими критериями, то выбор этих критериев не может быть обоснован рационально (из-за логического круга). Получается, что этот выбор – результат конвенций, каковые могут не совпадать и даже противоречить друг другу. Логический круг возникает и тогда, когда рациональность определяют через соответствие некоему образцу (например, рациональная наука подобна математической физике, которая... является «настоящей» рациональной наукой).

Эти трудности побудили к отказу от «всеобщих» критериев рациональности «как таковой» и переходу к «рабочим» определениям рациональности тех или иных видов деятельности, а также их продуктов. Например, критерий «целесообразности» лег в основу моделей рациональной хозяйственной деятельности (М. Вебер и др.), приемлемых для рыночной экономики и соответствующей ей организации общества. Так же строились модели рациональности иных видов человеческой практики, в том числе научно-познавательной. Таковы неопозитивистская и постпозитивистские модели, каждая из которых выступала специфическим «портретом» научной рациональности². Ни в науке, ни в других сферах практики «портреты» не были похожи друг на друга, а потому «рациональность» получила трактовку в духе методологического плюрализма.

Плюрализм сам по себе ни хорош и ни плох. Против него нечего было бы возразить, если бы проблема рациональности окончательно переводилась в методологическое русло. Однако открыт вопрос о том общем, что имеется у возможных моделей рациональности, т.е. вопрос об онтологическом статусе таких моделей. Разумеется, этот вопрос мог быть отвергнут теми, кто видит в нем пережиток метафизики. Но можно сказать и по-другому, а именно: пренебрежение таким вопросом

² По К.О. Апелю, рациональность есть способность человека к обоснованию и самостоятельному конструированию содержания своего сознания (см.: *Апель К.О. Трансформация философии*. М., 2001). Реализация этой способности зависит от того, на что именно, на какой сегмент бытия направлено это сознание. Поэтому возможны различные виды рациональности (даже в рамках индивидуального сознания: один и тот же человек может быть рационален как политик иначе, чем он рационален как военный, экономическая рациональность может в одном и том же сознании соседствовать и спорить с рациональностью экологической или, вообще говоря, с рациональностью длительного исторического прогноза и т.д.). Вопрос о том, что общего между этими видами рациональности, и составляет поле интересов философа и методолога.

является пережитком устаревшего позитивизма. Здесь водораздел, указывающий на неизбежность выбора между философией и ее методологическими «заменителями».

«Критериальный» подход к пониманию рациональности легко соскальзывает к одной из крайностей: с одной стороны, какую-то из возможных моделей рациональности объявляют адекватным образом рациональности «как таковой» и в этом смысле абсолютизируют эту модель; с другой стороны, говорят об относительности любой модели, и в этом «релятивистском плюрализме» само понятие «рациональность» теряет четкость очертаний. Обе крайности неприемлемы: «абсолютизм» опровергается фактом исторической и культурной конкретности различных форм рациональности, а «релятивизм» – ненадежная почва для размышлений о рациональности. Следы крайностей можно найти в спорах о том, как работает понятие «рациональность», когда его применяют к специальным задачам. Например, спорят о том, являются ли «рациональные реконструкции истории науки» теоретическими моделями, позволяющими установить *закономерности* процессов научного познания, или же это только «дидактические приемы», позволяющие «в лаконичной форме продемонстрировать, как неуклонно и необратимо идет развитие познания»³. Такие споры, по-видимому, никогда не прекратятся, но в них есть определенный смысл: они помогают уяснить философско-мировоззренческие позиции спорящих.

2. Рациональность в социологическом измерении

Можно сосредоточить внимание на условиях, при которых критерии рациональности, а также их изменения принимаются социальными группами и становятся эталонами их деятельности⁴. В общей форме их можно описать как условия рациональной коммуникации. Эти условия составляют две группы: в первой – факторы рационального действия как идеалы и нормы, диктуемые коммуникантам определенным

³ Кузнецова Н.И. Рациональная реконструкция в истории науки: возможность и необходимость // Рациональные реконструкции истории науки. СПб., 2009. С. 31.

⁴ Ср., например: «Рациональность понимается как система замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально-осмысленных целей» (Ракитов А.И. Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 69).

типом культуры; во второй – соглашения между коммуникантами, когда они расходятся во взглядах на идеалы и нормы, но вынуждены стремиться к общим целям, что невозможно без компромисса. Проблема в том, чтобы определить отношения между этими группами. Пионерские работы здесь связаны в первую очередь с именем Ю. Хабермаса⁵. Его замысел был в том, чтобы противопоставить идее рациональности как системе критериев оценки деятельности, *предзаданных* последней, идею рациональности, которая *возникает* в ходе этой деятельности. Это прежде всего относилось к анализу социальных практик (экономической, политической) и требовало выработки теоретических позиций по отношению к возникающим в этих практиках формам успешного поведения, преодоления конфликтов и противоречий, сохранения эффективного партнерства между коммуникантами. При этом неизбежно возникали вопросы: как совместить «коммуникативную рациональность» с такими оценками результатов практической и познавательной деятельности, как «истинность», «объективность», «адекватность» и т.п.? Как предотвратить релятивизацию этих оценок?

Рассмотрение рациональности в социологическом измерении нуждалось в соотнесении с гносеологическими требованиями. Если оно приводило к несовпадениям или конфликтам, появлялось желание пересмотреть гносеологические установки (если не вовсе отказаться от них), «переводя» их на язык социологии. Сама идея «коммуникативной рациональности» при этом помещалась в рамки различных разделов социологии (социологии поведения, теории взаимодействия социальных групп, социологии «повседневности» и т.д.). На фоне утраты гносеологическими «спекуляциями» былой респектабельности «социологизация» эпистемологии, т.е. перенос в нее понятий и методов теоретической социологии и социальной философии, выглядела привлекательной перспективой. Многим исследователям это пришлось по душе и они с энтузиазмом принялись развивать идеи А. Шюца, Н. Лумана, Н. Элиаса, П. Бурдье, К. Норр-Цетины, Д. Блура, А. Голдмана и других лидеров социологического подхода к эпистемологическим проблемам. Энтузиазм был до известной степени оправдан: эпистемология стала подпитываться эмпирическим материалом, свежими идеями и методами.

⁵ Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // J. Habermas. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. F.a.M., 1984; Theorie des kommunikativen Handelns. F.a.M., 1981.

Например, с точки зрения Н. Лумана, задача социолога в том, чтобы эксплицировать процесс отбора знаний и способов их оценки участниками «рациональной коммуникации». Отбор совершается вовсе не только (и не столько) в соответствии с эпистемическими критериями, а следует иным требованиям, имеющим собственно социологическое содержание (например, продолжать дискурс в ситуациях, когда от этого зависит успех совместного действия, но нет общих смысловых оснований, вынуждающих принимать решения независимо от воли или взаимной расположенности его участников). Это относится к любым дискурсам, в том числе к научным или философским дискуссиям. Более того, эпистемические критерии переинтерпретируются в социологических терминах: «истинность» понимается как символический код, применяемый для конструирования и отбора знаний в процессах коммуникации; такой код не предзадан коммуникации, а является ее продуктом. Кстати, наряду с «истиной» стоят такие «генерализованные медиакоммуникации», как «ценность», «собственность-деньги», «искусство», «любовь», «власть-право». Они «разрешают коммуникативные трудности тем, что кондиционируют селекции и тем самым мотивируют к принятию или отклонению коммуникации, то есть, с точки зрения наблюдателя, выстраивают причинно-следственные связи»⁶. Очевидно, что при таком подходе обычная «дифференциация» эпистемических, этических, экономических или политических оценок уступает место социологическим наблюдениям того, как эти оценки функционируют в роли «посредников», обеспечивающих взаимодействие и взаимопонимание коммуникантов.

Рациональна ли коммуникация? На этот вопрос отвечают по-разному в зависимости от того, что имеется в виду: соответствие совместных действий общим стандартам, принятым в политике, науке или даже религии, либо то, что устанавливают как приемлемый уровень взаимопонимания сами участники конкретных коммуникаций. А.Ю. Антоновский называет это различие между «внешней» и «внутренней» рациональностью коммуникации⁷. Эти различия могут быть существенными: например, политкорректность требует, чтобы мнения выражались в респектабельной форме, не оскорбляющей достоинств

⁶ Глухов А., Никифоров О. К вопросам системно-теоретической презентации медиакоммуникации // Н. Луман. Медиакоммуникации. М., 2005. С. 271.

⁷ Антоновский А.Ю. Пространство, время, личность: три уровня коммуникативной рациональности // Коммуникативная рациональность как проблема эпистемологии (в печати).

во диспутантов, тогда как часто сама респектабельность может быть понята как ироническая оболочка, скрывающая издевательскую оценку мнения какого-то полемиста. Тогда можно сказать, что понимание «смысла» полемики возможно при условии, что ее «внутренняя рациональность» игнорирует «внешнюю» или относится к ней как к чему-то постороннему. В любом случае рациональность здесь выступает как предмет интереса социолога, эпистемологическое же содержание этого понятия, если это вообще возможно, транскрибируется в социологических терминах.

Если, продолжает Антоновский, коммуниканты говорят, когда надо говорить, пишут, когда надо писать, понимают сказанное или написанное так, как это принято в данной коммуникативной группе, отличают то, что сказано или написано, от того, что хотел сказать или написать коммуникант, а также почему он сказал или написал это в той, а не в иной форме, то коммуникация «понята», т.е. является рациональной. Имеет ли место в действительности то, что является antecedentом данного условного высказывания, должен определить тот, кто наблюдает за происходящим «со стороны», – социолог, которому для выполнения этой задачи надобно необходимое снаряжение. Что войдет в него: одни лишь методы социологического анализа (например, анкеты или тесты), или все-таки он обязан «для себя» различать «истину» и «ложь», «факт» и «иллюзию», «объективное» и «субъективное» в оценках и т.д.? Если быть последовательным, то надо признать, что сами эти понятия, взятые из эпистемологического словаря, имеют социологическое происхождение, следовательно, различные социологи в различных наблюдениях придут к различным выводам относительно рациональности коммуникации.

Другой пример социологизации эпистемологии – концепция «габитуса» П. Бурдьё. Понимание слов и действий есть следствие привычки так или иначе реагировать на них. Привычка же выступает как правило, следуя которому, коммуникант достигает желаемых результатов. Правило рационально, если цели достигаются, нерационально в иных случаях. Поэтому проблема рациональности разрешается тем, что выясняют, при каких условиях возникают и становятся устойчивыми привычки эффективно действовать в коммуникативных ситуациях. Социологическое исследование «габитуса» есть ключ к пониманию того, что такое рациональность. Эпистемология, погруженная в мир «габитусов», вынуждена отбрасывать как несущественные для нее проблемы соотношения «объективного» и «субъективного», «абсолютного» и «относи-

тельного», ибо для рассмотрения таких проблем у нее нет ни подходящих терминов, ни осознанной потребности.

Здесь та же трудность, что и в концепции «коммуникативной рациональности» Лумана. Если «габитусы» различны, то «актерам» надо задумываться над причинами этих различий. Г.Б. Гутнер называет это «рациональной рефлексией» над габитусами и их границами⁸. Такая рефлексия возможна, если рациональность – то, что свойственно мышлению до всяких «габитусов», именно она позволяет рассматривать привычку или навык как некий смысл. Как это возможно – вопрос особый, рассмотрение которого потребует признания ограниченности социологического подхода к проблеме коммуникативной рациональности.

3. Психологическое измерение рациональности

Философы спорили и спорят о возможности психологического истолкования рациональности (например, известная борьба психологизма и антипсихологизма в логике⁹). Здесь мы говорим о психологическом измерении рациональности как об описании и объяснении психологических состояний и переживаний, связанных с рациональностью (или иррациональностью) совершаемых действий, поступков, а также психологических особенностей, которыми характеризуются процессы рациональной коммуникации. С одной стороны, психологические явления изучаются через их представление в «рациональных» (часто математических) моделях¹⁰. С другой стороны, модели поведения людей в типичных ситуациях могут и должны быть серьезно изменены с учетом психологических факторов¹¹. Например, нобелевский лауреат Р. Зельтен показывает ограниченность теорий, базирующихся на представлении об экономических субъектах как о людях, действующих в строгом соответствии с правилами «максимизации субъективной полезности». Такая рациональность, замечает он, не имеет эмпирического обоснования и выступает

⁸ См.: Гутнер Г.Б. Проблема риска и ответственности субъекта научной коммуникации: Дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2008.

⁹ См.: Сориная Г.В. Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в логике. М., 1993.

¹⁰ См.: Лефевр В.А. Алгебра совести. М., 2003.

¹¹ См.: Козелецкий Ю. Психология принятия решений. М., 1979.

лишь как формальное следствие из «идеальной» модели, предложенной Л. Сэвэджем¹². Однако реальное экономическое поведение отличается от предсказаний, выведенных из этой модели, поскольку на него часто определяющим образом воздействуют факторы «внеэкономического плана», в том числе психологические¹³.

Такое противопоставление «рационального» и «психологического» встречается часто. В нем – отзвук в общем-то бесспорного мнения о том, что «реальная» психическая жизнь человека, значит, и его деятельность протекают не в соответствии с «велениями разума», а часто вопреки им. Но вопрос о том, каковы эти «веления», если под ними не понимать только правила логического вывода, далек от ясности. После революции, произведенной когнитивной психологией (возникновение которой связано с именами Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Г. Саймона, Н. Хомского, У. Найссера и др.), психологическая наука вплотную занялась познавательными процессами, происходящими в человеческом сознании. Поскольку «когнитивисты» использовали так называемую компьютерную аналогию, т.е. представили познавательные процессы как действие особого устройства, получающего, накапливающего и преобразующего информацию, рациональность этих процессов предстала как характеристика, доступная точному (математическому) выражению. Соответственно отклонения от рациональности могли рассматриваться как следствия воздействия на это устройство различных психологических или социальных факторов (например, в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера принимается, что в ситуации выбора человек склонен к тем или иным решениям, будучи мотивирован эмоционально: если тот или иной выбор ему неприятен или вызывает иные негативные чувства, он отклоняет его и прибегает к альтернативе, даже если это не вполне «рационально» с точки зрения имеющихся у него информационных данных¹⁴).

Можно сказать, что известная концепция эволюции науки Т. Куна, которую чаще связывают с проникновением в философию науки социологического подхода, столь же правомерно может быть связана и с «психологизацией» процессов, в которых осуществляется как «нормальная», так и «революци-

¹² См.: *Savage L.* The Foundations of Statistics, N.Y., 1954.

¹³ См.: *Selten R.* Features of Experimentally Observed Bounded Rationality // *European Economic Review*. 1998. Vol. 42, № 3–5. P. 413–436; *Models of Strategic Rationality*. Dordrecht; Boston; London, 2000.

¹⁴ См.: *Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, 1957.

онная» наука: критерии рациональности научного знания и действий по его получению, согласно Куну, служат гарантами психологического равновесия ученых; поэтому, как показал, например, Л. Флек, переход к иному стилю мышления обусловлен, как правило, сильнейшими психологическими переживаниями, вызывающими иногда кризис личности¹⁵. В терминах Фестингера, это связано с когнитивным диссонансом из-за несогласия с убеждениями научного сообщества. В то же время стремление ученых в ситуации «научной революции» признать рациональной ту «парадигму», которая побеждает в конкурентной борьбе, может быть описано в терминах теории «баланса» Ф. Хайдера, утверждающей, что когнитивный диссонанс вызывает у людей стремление к его преодолению и восстановлению психического равновесия¹⁶.

Психологические интерпретации уместны и в применении к известной концепции «личностного» или «неявного» знания М. Полани, в соответствии с которой процессы передачи и восприятия знаний не могут быть полностью вербализованы и выражены в замкнутых моделях рациональности. В целом можно сказать, что психологическое измерение рациональности привлекает внимание философов, интересующихся проблемами рациональности и учитывающих отрицательный опыт периода, когда проблему рациональности (в науке или в других областях человеческой деятельности) пытались решать в одномерном пространстве методологических исследований.

4. Заключение. Перспектива многомерного исследования рациональности

Итак, тема рациональности имеет «многомерную» структуру, в которой можно выделить основные «измерения» (этот геометрический термин нами используется как метафора, обладающая, возможно, эвристическим потенциалом). К ним здесь отнесены методологическое, социологическое и психологическое измерения, не сводимые одно к другому, но образующие своеобразную «стереометрию» рациональности. Возможно, а иногда и нужно увеличивать число подобных из-

¹⁵ См.: Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999.

¹⁶ См.: Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. N.Y., 1958.

мерений (например, вводить социально-психологическое, лингвистическое, психосемантическое и даже политическое или экономическое измерения), если признать необходимость реформирования понятийного аппарата эпистемологии перед лицом вызовов развивающейся науки, усложняющихся отношений между различными сегментами культуры, часто приводящих к противоречиям и конфликтам между ними. Некоторый опыт такого многомерного исследования уже есть, хотя он, конечно, недостаточен¹⁷. Идея, которой направляется этот опыт, заключается в том, что различные аспекты или «портреты» рациональности, исследуемые и создаваемые в концептуальных рамках эпистемологии и специальных наук, не просто сосуществуют, но активно взаимодействуют. Но речь не только о взаимной «диффузии» понятий и методов. В более интересном смысле эта взаимосвязь может рассматриваться сквозь призму «принципа дополнительности» (в духе идей Н. Бора). Языки и методы, которыми описывается и объясняется рациональность, являются сопряженными по смыслу: будучи оторванными друг от друга (рассмотренные как самодостаточные), они могут давать искаженный и даже противоречивый «образ» рациональности, но совместно они дают такой «образ», который в своем развитии приближается к *понятию* рациональности. В целом это и есть перспектива современной эпистемологии, какую мы бы хотели представить на суд специалистов.

¹⁷ См., например: *Порус В.Н.* Стиль научного мышления // Теория познания. Т. 3. Познание как исторический процесс. М., 1993. С. 225–262.